АРХАИЧНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В ПОЭТИКЕ ЛИТЕРАТУРЫ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (В ТЕКСТАХ АВТОРОВ ГРОДНЕНЩИНЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА)

© 2018 г. М.А. Ламм

Соискатель Института славяноведения РАН
E-mail: m.lamm@inslav.ru

В статье рассматривается литература белорусского-польско-литовского пограничья второй половины XX в. в контексте концепции архаического сознания. Объектом исследования послужили произведения Л. Гениюш, А. Карпюка, Д. Бичель, А. Чобата. Были выявлены и проанализированы образы доисторических племен, пространства и местного населения.

The article is devoted to the study of the literature of the Belarusian-Polish-Lithuanian borderlands of the second half of the twentieth century. in the context of the concept of archaic consciousness. The object of the study was the works of L. Geniyush, A. Karpyuk, D. Bichel, A. Chobata. In the article, images of prehistoric tribes, native land and the local population were identified and analysed.

Ключевые слова: литература пограничья, литературный фронтир, региональная литература, этническая идентичность, архаическое сознание.

Keywords: borderland literature, literary frontier, regional literature, ethnic identity, archaic consciousness

DOI: 10.31857/S0869544X0003673-3

Литература белорусско-польско-литовского пограничья (территории, традиционно называемой в России «Западной Белоруссией» и «Kresy Wschodnie» в Польше) формировалась в уникальных условиях: на границе влияний двух значимых славянских центров, языков и культур. Литовское население в довоенный период в регионе было в меньшинстве, и его культура развивалась сравнительно замкнуто, равно как и культура еврейского населения. Основной диалог в регионе разворачивался между польской и белорусской традициями. Уникальность этого культурного пространства усилилась еще больше, когда на протяжении первой половины XX в. здесь многократно менялась власть: немецкая оккупация в 1915 г., бури гражданской войны, во время которых регион многократно переходил из рук в руки, утверждение польской власти в 1920 г., советская власть и новые границы

в 1939 г., немецко-фашистская оккупация в 1941 г., окончательное разделение прежде единого культурного пространства тремя границами после 1946 г. Менялись не только границы, но и национальный состав населения: в одних случаях – главным образом в статистических данных, как это было в польских переписях населения 1921 и 1931 гг.; в других – физически, как это произошло, к примеру, в результате обмена населением между Польшей и Белоруссией в 1944–1946 гг.

Лишь после 1946 г. на этих землях наступает сравнительно долгий период стабильности. Гродно и Брест оказываются в составе Белоруссии с культурным центром в Минске, находящимся под идеологическим влиянием Москвы. Вильно, прежде бывший культурным центром региона, закрепляется в качестве литовской территории под именем Вильнюс. Белосток и Бельск (Бельск-Подляшский) отходят к Польше, где варшавский культурный центр хотя и находился под влиянием Москвы, но имел гораздо большую самостоятельность, нежели центр минский. На этом фоне в послевоенной литературе Гродненщины происходят интересные процессы, связанные с оригинальным решением традиционных для региональной литературы проблем. Эти процессы представляют собой конструирование этнической идентичности путем обращения к самым истокам – архетипическим образам коллективного бессознательного.

Особенность образной системы в литературе Гродненщины опирается на особый тип сознания, которое в современной философской мысли получило название архаического. Это не означает, что литература рассматриваемого региона существует в устоявшихся с древности неизменных формах или использует устаревший язык, скорее речь об особой архаической рациональности, которая выступает в качестве творческой основы художественного осмысления бытия. Архаическая рациональность вслед за Ю.Ю. Першиным понимается нами как «очеловеченное воспроизведение порядка и логичности мира, адекватность ему, изучение языка мира» [1. С. 14]. Архаическое сознание предполагает «принципиальную коммуникативность» человека и мира, особый мифологизм восприятия. При этом «архаическое сознание современно и манифестирует себя через переход архаического содержания человеческого бессознательного в сознание человека» [1. С. 14]. Таким образом, проявление архаического сознания в литературе предполагает современное наполнение фольклорных образов или же формирование нового фольклора, одушевление окружающего пространства и пр. Это осознание народом своей самости посредством отождествления себя с некими константами бытия, причем в роли подобной константы выступает земля, занимаемая территория. Отсюда происходит дальнейшее самоотождествление с нацией.

Можно выделить три основные константы художественного пространства, встречающиеся у всех рассмотренных авторов. Это:

1) доистория – обращение к памяти доисторических племен, живших в древности на этих территориях;

2) образ пространства, которое описывается преимущественно через ландшафтную доминанту (как правило – реки, т.е. естественная граница между людьми и, обращаясь к мифологическим аспектам, – между мирами, между жизнью и смертью, «своим» и «чужим»);

3) образ местного населения, репрезентация которого происходит в термине, выражающем наиболее архаичную форму идентичности: «тутэйшие» и примыкающая к ней тема «тутэйшей мовы».

Обращение к архаичным моделям и образам здесь тесно связано с проблемой конструирования идентичности на территории белорусско-польско-литовского пограничья. Взгляд назад, на истоки мира и мифа, позволяет авторам хотя бы попытаться ответить на главные вопросы не только региональной литературы, но и литературы вообще: «кто мы?», «откуда пришли?» и «куда движемся?». Именно

этот специфический взгляд позволил в XX в. сформироваться на рассматриваемой территории особому культурному пространству – пограничья, с литературой, опирающейся одновременно на традиции польской, белорусской и русской литератур, однако сохраняющей при этом свою самобытную оригинальность.

Авторы часто обращаются к образу **древнейших жителей** родных мест. Так, Д. Бичель в стихотворении «Предки» («Продкі») вспоминает кривичей и связывает территорию расселения предков с берегами Немана: «Хлебами засевали кривичи заброшенные поля./ А ветерок гонял ветряки и скрипел:/ – Кровушка-кровь, с кривичей не теки!»[1] [2. С. 24]. В стихотворении Л. Гениюш «Дзяды» (Дзяды) род кривичей идет с Немана: «Героям сыпались курганы могильные./ Проходили славы полные века,/ до тех пор пока хитрый враг не одолел,/ Кривицкий род из-над Немана реки» [3. С. 65]. Или в стихотворении «Моему сыночку» (Майму сыночку): «Поведу тебя, милый мой сыну,/ в старый сказочный край Кривичей,/ там где широко Неман раскинул/ ленту синюю сред полей» [3. С. 36]. Не менее мифологично начинает свое эссе «Из истории Гродненского моста, 1392–1944» А. Карпюк. В первой части текста писатель вспоминает старинные легенды и верования. Отсылая читателя к «Золотой ветви» Дж. Фрэзера, А.Н. Карпюк подчеркивает, что речь идет о доисторических временах, однако эти времена не совсем чужды человеку второй половины XX в.: древний человек – «наш далекий предок в накидке из шкуры зубра». Это уже не абстракция, здесь не просто «предок» – предок «наш»: «когда нашему далекому предку в накидке из шкуры зубра надо было переправиться через Неман, он швырял в бушующую крутизну волн жертву, брал весла и, бормоча заклинание, гнал по воде свой челнок к противоположному берегу» [4. С. 25].

Обращение к древним племенам возникает в условиях неопределенной идентичности местного населения, вызванной постоянной сменой государственной принадлежности. В такой ситуации вопрос истоков, этногенеза становится одним из важнейших. Кажущаяся стабильность советского периода не может его закрыть. Интернациональное – будь то коммунистическая идея или даже христианская вера – не тождественно национальному, особенно на границе двух христианских культур. А. Чобат связывает название древнего племени ятвягов с языческим прошлым региона, выводя отсюда его **историческую уникальность**: «И все же интересно – *язычнік* или *паганін*? Дело в том, что летописные *пагане* – это некие степняки, некие печенеги, половцы, татары [...], *язычніки* же это те, кто с точки зрения христианина должен, но не хочет принимать крест [...]. Значит, был некий народ, часть которого во время жизни наших летописцев приняла христианство, а часть нет. Что же это за народ и где он был? [...]. Подсказку дает лексика – есть язык, а есть “мова”, при этом термин “мова” сохранили только белорусы (наряду с ними украинцы, в некотором смысле потомки тех жителей Белоруссии, что побили татар в XIV веке и колонизировали нынешнюю Украину). Язык же пришел сюда вместе с Кириллом, Мефодием, греческими миссионерами, означал он “мову книжную”, что значит речь христиан-проповедников, а те, кто отказался принимать новую веру, могли быть названы ятвяги, как это и случилось в летописях» (курсив мой. – *М.Л.*) [5. С. 14].

Сходное прочтение образа «тутэйшей мовы» есть и у А.Н. Карпюка, однако у него на первый план выходит образ **пограничья**. Так, в романе «Корни» в главе «Литературный диспут под голубиное урчание» между героями разгорается нешуточный спор о праве писать на местном языке: «у меня дома две... э, нет – аж три веры! Я – православный белорус. Жена – католичка. Сыновья – коммунисты. А внуки – полукровки [...]. Мои внуки при разговоре слово польское, слово русское, слово тутэйшее ввернуть могут. И что, они стишков придумывать по-своему не имеют права? По-простому!» [6. С. 206]. Интересно, что «тутэйшая мова» здесь

[1]Здесь и далее перевод мой.

противопоставлена также и официальной норме белорусского языка: «Неужели вы и сами не видите? Подумайте, на каком языке [...] написано!

– На котором все мы говорим – на простом! Какой он для тебя – и знать не хотим!

– То-то и оно, что не хотите знать! “Сярод роз...” (Среди роз – белор. – *М.Л.*). По-белорусски должно быть “Сярод ружаў”. Автору самому об этом известно, но дает так специально – для рифмы!

– А тебе непонятно?

– Или — жалко?

– Но разве так можно в литературе делать, лю-юди!

– А кто установил – можно так или нельзя? Перегородки для этого специально сколотили, что ли?» [6. С. 207].

Просторечная «тутэйшая мова» таким образом приобретает функции языка и становится **основой самосознания**. Это тесно связано с развитием в региональной литературе образа народа в целом. В послевоенной литературе Гродненщины присутствует романтизация образа «тутэйших». В своем исконном значении «это форма самой ранней самоидентификации, она носит указательный характер, связана с восприятием ограниченного визуального пространства, знанием всех, кто на нем проживает, в лицо и не только [...]. Формирование “тутэйшества” определяется возможностью бытия того, кто “не отсюда”, “пришлый”, “не здешний”, т.е. оно обезличено и не носит характер “ино-иного”. Единственный смысл, укореняющий его в сознании, это враг, недруг, разрушитель, тот, кто несет на себе беды» [7. С. 241].

Номинация «тутэйшие» используется для **обозначения национального характера**. Так, у гродненской поэтессы Дануты Бичель есть стихотворение «Тутэйшая», опубликованное в сборнике «Прежде солнца» (1982), где дано описание национального характера: «тутэйшая. / Я обычная./ Меня мать тут родила, / Как сосну в бору посадила [...] Мне говорили, что я не гордая/ Потому что не шумливая» [8. С. 52]. Как пишет белорусский исследователь А. Петрушкевич, в образе лирической героини выражается «сама суть национального женского характера» [9. С. 65]. Возможно, что этот образ гораздо шире и распространяется на национальный характер в целом, а также и на пространство обитания, ведь слова «родина» и «Белоруссия» в белорусском языке относятся к женскому роду. Таким образом, лирическая героиня может быть воспринята также и в качестве образа нации.

Другим важным аспектом раскрытия образа тутэйших является **обозначение культурных реалий**, которые безусловно являются «своими». Так, Данута Бичель в стихотворении «Черточка», рассуждая о судьбе родного края, замечает, что он, возможно, «пылился бы старьем/ на чердаке Земли,/ если бы не вдохнул душу/ волшебник “тутэйший” Янка Купала»[8. С. 204]. Кроме того, эта номинация используется для указания на взаимную принадлежность земли и людей, на ней живущих. Как пишет гродненская поэтесса Лариса Гениюш: «Мы – как зубры/ мы у себя дома, /тутэйшие, что от веков живут./ Мы – как дубы,/ нас можно уничтожить громом,/ но с земли родной/ нас не сдвинуть» [10. С. 73]. Необходимо отметить, что номинация «тутэйшие» не противопоставлена номинации «белорусы», скорее, дополняет ее, однако от идентичности «советский» достаточно далека, поскольку опирается на родовое единство и тесную связь с землей, где жили многие поколения предков. В творчестве А. Чобата это противопоставление выражается прямо. Так, в стихотворении «Отчет о политическом положении», написанном в 1995 г., есть сатирическое замечание: «тутэйший сепаратизм поднимает голову как гусь» [11. С. 5]. Наиболее подробно эта тема рассматривается в эссе «Земля св. Луки».

В текстах встречается и классическое понимание тутэйших как архаичной формы национального самосознания. Так, у А.Н. Карпюка «на вопрос же, белорусы они или

поляки, люди уверенно отвечали: Не, мы тутэйшие! Ни по-польску, ни по-белорусску даже и говорить не умеем! По-простому разговарываем! Это при королях нас писали поляками, при царях – русскими. Холера их бери, нехай себе пишуть, только бы нас не чапали!» [12. С. 5]. Однако в случае отсутствия репрезентации местного населения как «тутэйшие» непременно присутствует художественное изображение «котла» народов, верований и языков. Так, у А.Н. Карпюка, единственного из рассматриваемых авторов, у которого отсутствует романтизация образа «тутэйших», в каждом произведении есть акцент на поликультурность региона, это основная мысль произведений писателя.

Пространство осмысляется через ландшафтную доминанту – реку Неман, что в принципе характерно для региональных литератур. Как пишет об этом А.А. Москалинский, «река это не просто природный водоток, это вечный неизменный нестареющий символ места, в котором заключены все духовно-материальные компоненты его культурного ландшафта» [13. С. 142]. Следовательно, образ Немана в послевоенной литературе Гродненщины предстает как нечто неизменное, как **точка опоры в меняющемся мире**. Так, у А. Чобата в стихотворении «Ковно» (Каўнас): «Как Неман белый, время плывет дальше, / несчастных рождает и счастливых, / чтобы мы жили, и верили смелее, / и прогоняли печаль хорошим черным пивом» [14. С. 17–18]. То же сравнение мы видим у Л. Гениюш: «Подъемом в сердцах наших шумит Белавежа, / как дни наших сел, так Неман плывет...» [10. С. 113]. Он одновременно **свидетель** истории края и жизни каждого человека. У Д. Бичель также присутствует образ двух берегов: «с двух берегов Немана/ столько судеб наломано. / Песня с горчинкой боли./ Да с отголоском боя» [8. С. 114]. Это **образ Родины**, что характерно для белорусской литературы в целом. У Д. Бичель в стихотворении «Белая Русь»: «Белая Русь, мамочка, / это же девочка, да?!», на что следует ответ: «Нет, Беларусь – Родина [...] / Перед тобой лежит. / Крикни / – она отзовется! [...] Даль захлебнется громом — / так Беларусь запевает! / И засияет Неман – / чистотой ее глаз...» [2. С. 61]. Аналогично рассуждает у Л. Гениюш лирический герой стихотворения «Ответ» (Адказ): «Откуда ты?» отвечает: «с земли белорусской – / оттуда, где льется Неман / колышущейся лентой» [3. С. 31].

Литература польско-белорусско-литовского пограничья формировалась в сложных политических и исторических условиях, под давлением культур России и Польши, затруднявшим формирование идентичности. По этой причине во второй половине XX века происходит возврат к древним традициям. На уровне композиции текстов это опора на ритмы и формы обрядовой поэзии. На формально-языковом уровне – использование «тутэйшей мовы» – специфического языка белорусско-польско-литовского пограничья, отличающегося от литературной нормы белорусского языка как на уровне грамматики, так и на уровне лексики. На уровне образности – опора на исторические и бытовые реалии территории, выход на общеисторические белорусские или польские реалии происходит крайне редко и, в тех исключительных случаях, когда такое все же происходит – лишь в контексте региональной истории. Интересно, что литература белорусско-польско-литовского пограничья в послевоенный период как минимум на территории Гродненщины развивается по этнической модели, характерной для литератур малых народов.

При этом было бы ошибочным говорить об архаичности поэтики и тем более литературы рассматриваемого региона: она актуальна на общенациональном уровне (факт наличия переводов на русский либо польский языки позволяет говорить также об интернациональной ее актуальности) и вполне современна. Обращение к древности, к исторической памяти позволяет рассмотренным авторам сохранять этнонациональную идентичность при любых воздействиях, поскольку это опора на вечные и неизменные онтологические факторы,

существующие вне зависимости от влияния любых культурных центров. Это подчеркивается отсутствием в литературном пространстве Гродненщины авторов, писавших в жанре социалистического реализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Першин Ю.Ю.* Архаическое сознание: сущность и принципы. Автореф. дисс. ... д–р филос. наук. Омск, 2003.
2. *Бічэль Д.* Снапок. Мінск, 1999.
3. *Геніюш Л.*Невадам з Нёмана. Мінск, 1967.
4. *Карпюк А.Н.* З гісторыі гродзенскага маста, 1392–1944. Эсэ // Беларусь. 1983. № 2.
5. *Чобат А.* Земля св. Лукі. Krynki, Białystok, 2002.
6. *Карпюк А.Н.* Карані // Выбраныятворы ў 2 т. Мінск, 1991. Т. 2.
7. *Розенфельд У., Щелбанина Г.* Структура и уровни национальной самоидентификации // Шлях да узаемнасці. Матэрыялы X Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Гродна–Мір, 24–25 кастрычшка 2002 г.). Гродно, 2004. Ч. 2. С. 240–244.
8. *Бічэль Д.И.* Даўняе сонца. Лірыка. Мінск, 1987.
9. *Петрушкевіч А.* Літаратурная Гарадзеншчына ў постацях і лёсах. Гродна, 2009.
10. *Геніюш Л.* Збор твораў у 2 т. Мінск, 2010. Т. 1.
11. *Чобат А.* Новая Галілея. Мінск, 1995.
12. *Карпюк А.Н.* Вершалинский рай. Мінск, 1986.
13. *Москалинский А.А.* Река как основной географический образ в художественной литературе // Псковский регионологический журнал. 2010. № 10. С. 141–146.
14. *Чобат А.* Год. Мінск, 1992.